К 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. МАРКСА

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЫ БЮРОКРАТИИ В РАБОТАХ К. МАРКСА 1844—1851 гг.

В. П. Макаренко

«На протяжении всего периода формирования марксизма проблема государства, — справедливо отметил Т. И. Ойзерман, — остается в центре внимания Маркса и Энгельса. Без учета этого обстоятельства нельзя понять основные особенности процесса формирования марксизма» [1] Но конкретное содержание этого положения в отношении социальной природы такого феномена, как бюрократия, по сей день изучено недостаточно.

По классической характеристике В. И. Ленина, в период до 1848 г. главным в марксизме была разработка его философских, методологических основ. В трудах данного периода, а также в работах, посвященных анализу революций 1848—1850 гг. в Европе, Маркс и Энгельс немало внимания уделили анализу бюрократии.

В период окончательного перехода на позиции диалектико-материалистического и коммунистического мировоззрения Маркс сформулировал следующие важные положения: частная собственность и разделение труда — последние социальные причины бюрократических отношений между обществом и государством; буржуазное государство отражает отношения частной собственности; бюрократия реализует мнимую всеобщность социальных отношений частнособственнического порядка; бюрократизация политической жизни — общая закономерность генезиса и последующей стабилизации буржуазного общества и государства [2]

В работах Маркса 1842—1844 гг. уже намечен принцип целостности в анализе социальной природы бюрократии. Категории «бюрократические отношения — государственный формализм — политический рассудок» позволили уловить связь бюрократии с материальными, политическими и идеологическими отношениями. Конкретизация этих категорий осуществляется на основе принципов материалистического понимания истории, без уяснения которых невозможно до конца понять социальные корни обыденной или рафинированной апологетики социального и политического порядка буржуазного общества, в том числе его аппарата управления.

Видимо, этим объясняется тот факт, что в современной буржуазной социологии и социальной философии взгляды Маркса на бюрократию снова и снова подвергаются классово-тенденциозным перетолкованиям. В частности, утверждается, что Марксов анализ бюрократии остается на описательном уровне и не способствует постижению специфики бюрократии, что после рукописи «К критике гегелевской философии права» Маркс не уделял внимания этой проблеме, что в анализе бюрократии он колебался между крайним этатизмом и крайним отвращением к государству [3]. С другой стороны, неоконсервативная волна, затронувшая самые различные направления современной западной философии, способствовала популяризации веберианской, а не марксистской точки зрения на бюрократию. Поэтому исследование поставленных вопросов необходимо также для критики немарксистских политико-социологических концепций.

Социальные предпосылки и формы проявления политического отчуждения. Социальные противоречия, обусловленные частной собственностью, разделением труда, существованием противоположных классов и отраженные в антагонизме особых и всеобщих интересов, наиболее резко проявляются в социальном и политическом отчуждении. Как оно связано с социальной природой бюрократии? Отношения частной собственности и разделение труда закрепляют человеческую деятельность в формах иллюзорной общности. Эти формы становятся самостоятельными, отрываются от интересов, познания и воли индивидов. Важнейшей из них является государство, закрепляющее деятельность по управлению обществом в бюрократических отношениях, государственном формализме и политическом рассудке [4].

На ранних этапах становления марксизма политическое отчуждение рассматривалось как аспект социальной природы бюрократии (точка зрения, еще во многом обусловленная задачами критики гегелевских понятий суверенитета, государственной воли, цели и власти). Соответственно задача преодоления политического отчуждения трактовалась Марксом и Энгельсом как один из моментов в процессе преодоления бюрократического окостенения гражданского общества. В работах 1844 г. Маркс уже показал, что отношения частной собственности суть социальная основа бюрократических отношений и, следовательно, политического отчуждения.

Но другие социальные предпосылки отчуждения (Маркс относил к ним разделение труда, кровнородственные связи, город и классы), а также политические формы его проявления (государственные налоги и долги, разделение властей, идея регламентации экономической и социальной жизни, администрация, полиция и политика в целом) анализировались еще недостаточно, поскольку материалистическое понимание истории еще не сложилось. Формулировка основных принципов материалистического понимания истории в единстве с идеей пролетарской революции объясняют тот факт, что в последующих работах Маркса и Энгельса, непосредственно предшествующих формулировке положения о сломе бюро-

кратической машины государства, социальные характеристики бюрократии переплетаются с определениями власти и политического отчуждения.

Серьезное внимание Маркс и Энгельс уделяют бюрократизации самого законодательства. Они фиксируют, в частности, что даже в демократических по духу буржуазных конституциях тем или иным способом отстаивается принцип неприкосновенности чиновников как исполнителей известных должностных обязанностей. Это положение дел впервые было подвергнуто критике еще в статьях, подготовленных Марксом для «Рейнской газеты». В последующих сочинениях Маркс и Энгельс показали, что этот принцип покоится на некоторых фундаментальных отношениях буржуазной социально-политической практики — на отождествлении интересов общества с интересами правительства, исполнительной власти с законодательной, социального порядка с подчинением государственному аппарату. На основе такого тождества в разряд уголовных преступлений попадают не только действия, но также слова и угрозы в отношении чиновника. В результате происходит сакрализация государственного аппарата и каждого отдельного чиновника. Законодательство отражает эту сакрализацию.

Маркс и Энгельс показывают далее, что и принцип разделения властей, функционировавший в XVIII в. в качестве одной из исторически эффективных раннебуржуазных иллюзий, по мере развития капиталистической государственности все чаще превращается в одну из бюрократических условностей и служит маскировке интересов господствующего класса. Подобно корпоративному сознанию, механизм разделения властей обеспечивает подчинение политической организации общества наличному богатству и отношениям собственности. В этом механизме на практике выражает себя отчуждение и бюрократизация самих конституционных статей.

То же самое можно сказать о государственных налогах и долгах. Они также являются формой политического отчуждения. В работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Маркс показал, что, с точки зрения реакционера, «налог — это материнская грудь, кормящая правительство; правительство — это орудия репрессий, это органы авторитета, это армия, это полиция, это чиновники, судьи, министры, это *священники.* Покушение на налог есть покушение анархистов на стражей порядка, охраняющих материальное и духовное производство буржуазного общества от посягательств пролетарских вандалов. Налог — это пятый бог рядом с собственностью, семьей, порядком и религией» [5] В соответствии с этой логикой налоги переплетаются с государственными займами, а необходимость последних обосновывается следующими соображениями: 1. Значительные суммы денег бесполезно пребывают в руках частных лиц и могут быть пущены в обращение только принудительным путем. 2. Граждане всегда недостаточно осведомлены о действительных нуждах государства, и эти нужды надо разъяснять не словами, а действиями. 3. Патриотизм может

существовать только как добровольно-принудительная отдача денег и других средств граждан в руки государства. 4. Только государство имеет право контролировать имущественное положение граждан. При воплощении этой концепции в действительность «предоставляется полный простор для наглого вмешательства бюрократии в сферу гражданских связей и частных отношений» [6]

Как показал Маркс еще в статьях, опубликованных в «Рейнской газете», бюрократия уклоняется от ответа на вопрос о состоянии государственных финансов, ссылаясь на то, что финансовые и налоговые вопросы чрезвычайно сложны и потому их решение должно быть предоставлено специалистам-чиновникам. Нетрудно понять, что и в этом случае срабатывает типично бюрократическое убеждение: «Государственный аппарат не может быть слишком простым. Ловкость жуликов всегда в том и заключается, чтобы усложнить этот аппарат и сделать его загадочным» [7]

Власть и бюрократия: социальные характеристики. В работах Маркса 1842—1844 гг. иерархия рассматривалась как отношение между верхами и низами управления, связанное с государственным разумом, разделением граждан на активных и пассивных и обусловленное отношениями частной собственности. В «Немецкой идеологии» иерархия уже связывается с конкретным этапом развития общества: «Иерархия есть идеальная форма феодализма; феодализм есть политическая форма средневековых отношений производства и общения» [8] В более поздних работах Маркс и Энгельс показывают, что образы иерархии в сознании людей *переплетены* с их материальным и социальным положением. Поэтому полагать, что иерархия есть ряд ступеней, ведущих к совершенству, — «значит показывать свою интеллектуальную слепоту, свой полицейский образ мыслей» [9] Этот образ мыслей иллюстрируется на примере концепций Гейнцена, Карлейля, Руге и др.

Дело в том, что буржуазные идеологии связывают представление об иерархии с определенным способом управления обществом. Иерархические отношения при этом выводятся из порядка универсума, отождествляются со специализированным знанием и противопоставляются демократии. Предполагается также, что вселенная всегда открывала свои тайны только избранному меньшинству, обладающему мудростью и благородством. Именно это меньшинство и имеет право управлять. Исторический процесс при этом рассматривается как вечное противоборство между мудрецами и глупцами. История, таким образом, тоже служит аргументом для доказательства мысли о том, что управлять обществом должны только мудрецы. Управление толкуется как всеохватывающий процесс, ибо оно есть «постоянное раскрытие и выявление перед массой значения закона природы» [10] Считается также, что управляющих следует искать среди представителей классов, обладающих монополией на образование. Тем самым классовые различия превращаются в естественные, а господство одних классов над другими освящается. Вершина политической иерархии — правительство — квалифицируется как основная социальная связь.

Нетрудно понять, что если управление толкуется как опредмечивание мудрости и благородства, то управленческая деятельность идеализируется. Весь этот способ рассуждения отражает глубокую взаимосвязь бюрократического и идеологического мышления, зафиксированную уже в статьях Маркса из «Немецко-французского ежегодника» и детально исследованную на примере манифеста Мадзини, Ледрю-Роллена, Дарраша и Руге о причинах поражения революции 1848—1849 гг. Эти идеологи считали, что поражение было обусловлено отсутствием организации демократических сил и коллективной веры. Коллективная вера и организация, по этой логике, взаимосвязаны. Но для того, чтобы достичь такой взаимосвязи, рекомендовалось ограничить права индивидов и устранить черствую исключительность теории, которая должна играть подчиненную роль в отношении «коллективной интуиции вовлеченного в действие народа» [11] Предполагалось также, что: никакая теория не может дать решения проблем, волнующих массы; ошибочность философских и политических концепций, создаваемых отдельными мыслителями, неизбежна; коллективное действие доводит до высшей степени полноты творческие способности человека; массам надо давать не столько знания, в которых отражается объективное положение вещей, сколько лозунги, утверждающие нечто положительное; миром движет нравственный закон и нормы прогресса; толкование этих последних не может быть доверено ни индивиду, ни группе людей, а только народу, которым руководят отмеченные печатью добродетели и духа лучшие его представители; индивид и общество должны гармонично сочетаться ради всеобщего совершенства; семья, община, государство, отечество суть такие социальные формы, в которых человек вырастает до сознания и осуществления свободы, равенства и братства; труд как предпосылка собственности священен; основой социального порядка является народ, а вершиной — бог и его закон.

Всю эту систему взглядов Маркс и Энгельс называют «напыщенной чепухой». Выведение главных причин поражения революции из отсутствия коллективной веры, слабой организации революционной власти, соперничества и столкновения мнений людей, претендующих на роль вождей народа, — филистерский взгляд на революцию, составной частью которого является представление об извечной иерархии умов. Пренебрежение классовыми противоположностями сочетается с ненавистью к мышлению и теории, которые квалифицируются как бессердечные: «Народ не должен заботиться о завтрашнем дне и может выбросить из головы всякие мысли. Этот призыв к отказу от мышления есть прямая попытка обмануть именно самые угнетенные классы народа» [12] Подобно тому как бюрократ считает, что люди незрелы и нуждаются в чиновничьем наставничестве, так идеолог считает, что они нуждаются в «ученом» наставничестве. И это не что иное, как разновидность бюрократического презрения к людям.

Таким образом, речь идет уже не просто о фиксации того обстоятельства, что иерархия есть непременная формальная структура

бюрократии, а о конкретном изучении ее социально-исторической обусловленности, причин ее сохранения на более поздних (по сравнению с феодализмом) фазах развития классового общества.

Самостоятельность бюрократии может быть рационально объяснена лишь с учетом конкретно-исторических форм производства и общения, обусловливающих специфику политического строя страны. В работах Маркса 1842—1844 гг. самостоятельность бюрократии просто фиксировалась как факт социального и политического бытия. В «Немецкой идеологии» уже отмечается, что в эпоху абсолютной монархии в Германии власть в лице бюрократии приобрела чрезмерную независимость, а государство стало мнимо самостоятельной силой. Независимость бюрократии и самостоятельность государства по отношению к материальной стороне жизни общества, следовательно, *взаимосвязаны*. Эта взаимосвязь и объясняет социальные характеристики бюрократии, чиновничий образ мыслей и все иллюзии о государстве, т. е. политические иллюзии.

На предшествующем этапе исследования Маркс показал, что бюрократические отношения, государственный формализм и политический рассудок суть всеобщие формы отношений, деятельности и сознания, обусловленные частной собственностью, разделением труда и связью бюрократии и политики. Но всеобщность этих форм не отменяет специфики их проявления в зависимости от политического строя. В частности, генезис абсолютных монархий и генезис бюрократии при таком подходе оказываются взаимосвязанными процессами. Диалектика всеобщих и особых форм связи бюрократии и политики, таким образом, должна учитываться при анализе бюрократического образа мыслей и политических иллюзий. Критерий политической формы общества при этом оказывается наиболее существенным.

Эти положения первоначально сформулированы в работах Энгельса «Прусская конституция», «Конституционный вопрос в Германии», «Протекционизм и свобода торговли». Теоретико-методологическая значимость данных статей определяется тем, что здесь впервые высказана мысль о классовых основах бюрократии. Энгельс показывает, что при абсолютной монархии аппарат власти и управления удовлетворяет интересы эксплуататорских классов, принадлежащих к различным фазам социально-исторического развития: феодализму и капитализму. В то же время бюрократия нейтрализует (взаимно притупляет) интересы дворянства и буржуазии для сохранения своей самостоятельности и независимости. Стало быть, социальные характеристики бюрократии — соединение и нейтрализация интересов различных эксплуататорских классов — обусловлены спецификой политического строя страны и в каждом случае должны изучаться конкретно.

Эти положения развиты в последующих работах Маркса и Энгельса на примере Пруссии, Франции и Австрии. Исходя из того, что характеристики бюрократии и власти переплетены, Маркс и Энгельс показывают, что прусская бюрократия отличалась низо-

стью, продажностью, алчностью, жестокостью, зазнайством, манерой «всюду совать свой нос», ограниченностью, самоуверенностью, безапелляционной грубостью, невежеством и высокомерием. Стремление господствовать — основной мотив ее деятельности. Он укрепляется иерархией, так что, чем выше стоит чиновник, тем в большей степени ему, как правило, присущи указанные качества. Официальные документы, которыми оперируют чиновники, выполняют роль барьера между аппаратом управления и обществом. Одновременно они обеспечивают неприкосновенность чиновников. Обилие нормативно-регламентирующих документов обусловлено активностью каждого лица и уровня. В результате укрепляется бюрократический произвол.

Любую социальную проблему чиновник понимает как повод сохранить и увеличить свое жалованье и господствующее положение; законы составляются таким образом, что граждане не могут, а чиновники, напротив, могут ссылаться на них для защиты своих прав; надзор за аппаратом управления со стороны правительства оберегает привилегии местной бюрократии и защищает ее от существующих институтов легальной демократии; если чиновник входит в их состав, он всегда стремится защитить исполнительную власть.

Необходимо, далее, учитывать *специфику бюрократии многонационального государства,* которая описывается на примере Австрии в работе «Революция и контрреволюция в Германии». Абсолютную монархию и бюрократическое управление этой страны Энгельс называет системой «искусственной устойчивости» и тщательно описывает ее составные части: 1. Власть опирается на два класса: феодалов-землевладельцев и крупных денежных воротил, «уравновешивая. влияние и силу каждого из этих классов влиянием и силой другого, чтобы у правительства. оставалась полная свобода действий» [13] 2. Армия и бюрократия — важнейшие политические средства достижения полной свободы правительства и организуются следующим образом: профессии чиновника и офицера передаются по наследству; бюрократия и офицерский корпус образуют особую касту; они постоянно перемещаются правительством с одного места службы на другое; в результате в армии и бюрократии вырабатывается презрение «ко всякому лицу, не носящему на себе печати „императорско-королевской“ должности и обнаруживающему особый национальный характер» [14]. 3. Такая организация государственного аппарата дает возможность проводить политику выкачивания из всех классов и слоев населения как можно большего количества налогов для пополнения государственной казны и в то же время держать подданных в абсолютном подчинении. 4. Промышленность и торговля пользуются покровительством власти в целях роста государственных налогов и устранения иностранной конкуренции. 5. Поддерживается корпоративно-цеховая организация труда и отношений между людьми. 6. Верховная власть поддерживает все традиционно установившиеся виды власти (помещика над крестья-

нином, фабриканта над рабочим, мастера над подмастерьем, отца над сыном и т. д.). 7. Всякое непослушание традиционным видам власти карается как нарушение закона. 8. Власть государства (законодательная, исполнительная и судебная) оказывается переплетением традиционных отношений господства и подчинения с господством центральной власти. 9. Существует контроль над образованием, нацеливающий на подготовку узких специалистов, а не широко образованных людей. 10. Существует цензура и запрет на ввоз литературы из-за рубежа.

В результате всех этих действий ненависть народа направляется против низших чиновников, а не против центрального правительства. Неудивительно, что даже революции при такой взаимосвязи политики, экономики и идеологии сводятся к административным реформам и не дорастают до социальных преобразований. Тем самым политически обеспечивается переплетение материальных интересов дворянства и буржуазии. Оба класса стремятся закрепить за собой социальные привилегии, связанные с должностями на военной и гражданской службе и подачками из государственной казны. На таком положении дел базируется сословная система как определенный политический строй, представляющий интересы феодальной знати, бюрократии и центральной власти. Указанные классы и слои общества и являются эксплуататорами при сословной системе.

В то же время существует *связь* бюрократической регламентации хозяйства с потребностями внешней политики государства. Она выражается в октроированной системе государственных финансов. Эта система тесно связана с господством бюрократии, поскольку основными статьями расходов являются аппарат управления и армия. При данной системе из оборота изымаются значительные суммы средств для покрытия настоящих и будущих внешнеполитических акций. Взимание налогов и расходование государственных финансов осуществляется таким образом, «чтобы противопоставить государственную власть, как угнетающую, самостоятельную и священную силу, промышленности, торговле, сельскому хозяйству, вместо того, чтобы *низвести* ее до роли простого *орудия* буржуазного общества» [15]

Таким образом, для суждения о связи бюрократии с формой политического строя необходимо учитывать специфику финансовых и налоговых систем. Она в немалой степени объясняет политические причины бюрократической регламентации социальной жизни и связи определенных кругов национальной буржуазии с бюрократией. Речь идет о финансовой буржуазии, промышленниках, интересы которых непосредственно связаны с внешней политикой правительства, мещанах (жителях города) и тех представителях интеллигенции, благополучие которых зависит от данного государственного порядка. Это «люди, которые могут надеяться достигнуть видных постов только в таком государстве, где предательство народных интересов правительству является доходным занятием» [16] Отмечая наличие данных слоев буржуазии и мелкой

буржуазии в Германии, Франции, Австрии, России, Маркс и Энгельс именно с ними связывают социальные предпосылки бюрократической регламентации хозяйства и социальной жизни в целом.

При этом необходимо учитывать распределение должностей в аппарате власти и управления. В работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» *впервые* формулируется положение о необходимости изучения социальной природы бюрократии с учетом не только межклассовой, но и внутриклассовой дифференциации.

Процессы осуществления власти и управления, как правило, связаны с экономическими и социальными характеристиками слоев, в них участвующих. Так, если власть находится в руках финансовой буржуазии, то на всех уровнях управления господствуют обман, корыстолюбие и спекуляция. Эти и иные свойства класса отражаются как во внутренней, так и во внешней политике национальной бюрократии.

С другой стороны, на вершине власти (при абсолютной монархии) может находиться дворянство, а средние и низшие посты в аппарате власти и управления занимать мелкая буржуазия. Вследствие промежуточного положения этого класса его социальные характеристики совпадают с социальными функциями бюрократии (соединение и нейтрализация интересов различных классов). В этих условиях сама бюрократия становится особым классом общества. Политические характеристики бюрократии тем самым переплетаются с социальными и экономическими свойствами мелкой буржуазии, для которой характерны узость интересов, отсутствие исторической инициативы, сила инерции, постоянные расколы, местная ограниченность, тупая преданность наличному социально-политическому порядку, одетая в костюм добропорядочности. Нетрудно убедиться, что эти характеристики мелкой буржуазии в целом совпадают со свойствами бюрократии, описанными Марксом и Энгельсом на предыдущих стадиях исследования.

Примечательно в данном отношении, что основоположники марксизма специально фиксируют связь бюрократического и идеологического подхода к действительности в мелкобуржуазном социализме. Его представители хотели бы задержать рост капитала, а вместе с тем и социальный прогресс с помощью мероприятий, осуществляемых государством (организация кредитных учреждений, прогрессивный налог, отмена права наследования, выполнение крупных хозяйственных работ и т. п.). Тем самым государству приписывается надклассовое значение и оно идеализируется.

Из-за распыленности интересов мелкие буржуа не в состоянии управлять государством без могущественной и многочисленной бюрократии. Преобладание мелкой буржуазии в стране и бюрократическое управление взаимосвязаны и образуют социальную основу такого политического режима, при котором всеобщее бес-

силие, низость, скука и нечистоплотность становятся основными определениями политической жизни. По этой причине Энгельс считал, что крупная буржуазия может вступать в конфликт с господством бюрократии уже на достаточно ранних стадиях развития капитализма.

Бюрократия вмешивается в промышленность и торговлю и ограничивает свободу их развития. Вмешательство в развитие экономики приводит к росту коррупции — крупная буржуазия в интересах развития производства вынуждена подкупать чиновников аппарата управления. Тем самым при бюрократическом управлении страной увеличиваются издержки производства. «И чем более развивается промышленность, тем больше появляется „верных долгу чиновников", т. е. таких, которые либо в силу одной лишь ограниченности, либо из бюрократической ненависти к буржуазии досаждают фабрикантам самыми назойливыми придирками» [17]

Это рано или поздно ставит буржуазию перед необходимостью подчинить структуру управления своим интересам, «сломить могущество этой надменной и придирчивой бюрократии. С того момента, как управление государством и законодательство переходят под контроль буржуазии, бюрократия перестает быть самостоятельной силой; именно с этого момента гонители буржуазии превращаются в ее покорных слуг. Прежние регламенты и рескрипты, служившие лишь для того, чтобы облегчить чиновникам их деятельность за счет промышленников-буржуа, уступают место новым регламентам, облегчающим деятельность промышленников за счет чиновников» [18]

Политический рассудок как выражение бюрократических тенденций революции. Уже в 1844 г. Маркс показал, что государственный формализм и политический рассудок проявлялись в деятельности вождей и учреждений французской революции 1789—1794 гг. В еще большей мере это обнаружилось в революции 1848—1849 гг.

Классики марксизма, в особенности в статьях из «Новой Рейнской газеты», отражающих хронику революционного процесса, показали, что политический рассудок, или «ограниченный разум верноподданных», проявлялся в следующих действиях правительств, называющих себя «революционными». Вместо того чтобы провозгласить суверенитет народа и вырабатывать новую конституцию, эти правительства занимались выработкой регламента и протоколов о порядке обсуждения всех социальных и политических вопросов. Революция рассматривалась как предпосылка создания новых бюрократических учреждений. Бывшие депутаты сословных собраний, став министрами, восстанавливали прежние институты и должности. Новые учреждения создавались из старых бюрократов, стремившихся ввести революционное движение в тихое русло реформы. Суверенитет народа заменялся теорией соглашения с абсолютной властью. Эта власть сакрализировалась, а ее освящение выражалось в определенной разновидности политиче-

ского языка «революционных документов» (сдержанность, намеки, устранение критики и обход сложных вопросов, поскольку именно в них проявляются социальные и политические противоречия, консерватизм). Под предлогом борьбы со «смутьянами» осуществлялись самые злобные нападки на революцию. Юристы как члены новых «революционных» учреждений превращали любой политический вопрос в спор о процедуре, тяготели к крючкотворству и сервилизму.

Официальные комиссии, создаваемые для расследования какого-либо вопроса, были только средством удовлетворения тщеславия «революционного» правительства. Для этого комиссиям давались такие полномочия, чтобы всегда можно было бы взять под защиту их деятельность в целом, обвинив — при необходимости в соответствии с постулатами мнимого либерализма — только отдельных чиновников в извращении действительного положения дел.

На деятельность таких комиссий распространялись общие характеристики бюрократического управления. С помощью официальных документов, комиссий и учреждений воздвигалась «китайская стена» между гласностью и управлением. Уголовный кодекс был сформулирован таким образом, что высказывание определенных политических взглядов квалифицировалось как уголовное преступление. Всякое несогласие с официальными документами и порядком деятельности новых правительств рассматривалось как клевета на революцию. Законодательство было направлено против любых социальных и политических изменений. Правила о печати были обусловлены стремлением новых правительств взять под защиту своих клевретов и вывести за пределы публичного обсуждения и критики свою деятельность. Революции в других странах отражались в печати извращенно, а борьба классов квалифицировалась как противоборство «порядочных людей» с «низкими».

Наиболее ярко бюрократические тенденции проявляются в реакции новых «революционных» правительств и учреждений на скопления людей и массовые политические действия. Скопления людей на улицах и площадях квалифицируются как «сборища», имеющие в виду подготовку противозаконных выступлений. На примере отношения нового правительства к захвату революционным народом склада с оружием Энгельс показал, что бюрократическая реакция на скопления людей и массовые политические действия определяется следующими моментами: 1. Осуждение массовых действий и квалификации их участников как уголовных преступников. По этой логике «штурм цейхгауза был просто-напросто делом некоего числа воров, укравших ружья, чтобы продать их за водку» [19] 2. Подсчет убытков от данных действий и использование цифры убытков как главного аргумента против любых массовых действий. 3. Квалификация предметов древности, военных трофеев и знамен, связанных с внешнеполитическими акциями государства, как символов политической истории нации,

а покушения на эти символы — как вандализма и святотатства. На самом деле с трофеями и знаменами связана не честь нации, как считает политик-бюрократ, а только символы «блестящих иллюзий» политического прошлого нации. С помощью данных символов государство освящает свою собственную историю. Поэтому, отмечал Энгельс, «берлинский народ проявил совершенно правильный революционный такт. Растоптав ногами захваченные под Лейпцигом и Ватерлоо знамена, народ Берлина тем самым отрекся от так называемых освободительных войн. Первое, что должны сделать немцы в своей революции, — это порвать со всем своим позорным прошлым» [20]

Но выполнить эту задачу оказалось невозможным, в частности, и потому, что военная бюрократия ничем не отличалась от гражданской. В статьях из «Новой Рейнской газеты» Маркс и Энгельс обосновали это положение на примере отношения новых «революционных» правительств к гражданским военным формированиям. Высшие военные чины считали, что солдаты и офицеры должны интересоваться только службой, а не социальным, правовым и политическим положением армии в обществе и государстве. Основоположники марксизма показали также, что организация и управление армиями должны изучаться во взаимосвязи с генезисом абсолютных монархий и бюрократии: «Если бюрократия чем-нибудь и была полезна для армий, то вред, который она им приносила, прививая им дух схематизма и педантизма, был вдвое больше» [21] Другими словами, о бюрократизации организации и управления армиями можно судить на основании изучения вопроса о том, существует ли и каким способом культивируется в среде профессиональных военных интерес к социальным, правовым и политическим аспектам отношения между армией и обществом, с одной стороны, и армией и государством — с другой. Если такого интереса не существует и он не культивируется на всех уровнях военной иерархии (от солдата до маршала), а военная служба сводится лишь к выполнению профессиональных обязанностей, то армия является звеном бюрократического управления государством. При этом необходимо учитывать также связи между организацией и управлением армией и политическими формами общества, между армией и различными слоями эксплуататорских классов и т. д. Анализ этой проблематики необходим для уяснения специфики военной бюрократии. Работы Энгельса по военным вопросам содержат образцы такого анализа, но их исследование в интересующем нас аспекте выходит за рамки данной статьи.

Существует также специфическая полицейско-бюрократическая точка зрения на революцию, которую Маркс и Энгельс иллюстрировали на примере *взаимосвязи деятельности заговорщика и шпиона.* Исходный принцип данной взаимосвязи — «суеверный взгляд, приписывающий возникновение революции злонамеренности кучки агитаторов» [22]. Этот взгляд обусловлен существованием социального типа революционера-заговорщика — «алхимика революции». Отсутствие постоянных занятий и ненадежность

источников существования вынуждают его создавать организацию не столько для пробуждения революционной инициативы народа, сколько для того, чтобы удовлетворить свое честолюбие и социально выжить. Отношение к любой организации и учреждению как средству удовлетворения частных интересов типично и для бюрократа. Заговорщик оправдывает воровство, мошенничество и другие уголовные преступления высокими политическими целями. То же самое характерно для бюрократа. Социальной средой деятельности заговорщика является демократическая богема пролетарского происхождения, которая состоит из разложившихся рабочих и люмпен-пролетариата, характеристики которого относятся и к высшим уровням бюрократии, и к данному типу революционных деятелей. Заговорщики «преследуют только одну ближайшую цель — низвержение существующего правительства, и глубочайшим образом презирают просвещение рабочих относительно их классовых интересов, просвещение, носящее более теоретический характер» [23] Тем самым теория приобретает служебное значение по отношению к практике. На этой почве возникает не пролетарская, а чисто плебейская неприязнь к интеллигенции. Презрение к теории и интеллигенции — весьма важные свойства и бюрократа.

Таким образом, установки заговорщика и бюрократа в значительной степени совпадают. На основе этого совпадения органы уголовного и политического сыска государства терпят деятельность заговорщических организаций потому, что они легко поддаются надзору как «мастерские по производству мятежей». Немаловажно, что именно в такой среде полиция вербует шпионов и провокаторов, а «низшая политическая полиция рекрутируется из числа заговорщиков по профессии» [24] Шпионаж, таким образом, становится общей профессией людей, политически противоположных друг другу: жандарма и революционера-заговорщика. В обеих этих профессиональных группах царит безграничная подозрительность.

Преодоление бюрократии и политического отчуждения. Формулируя и обосновывая идею о преодолении бюрократии как элемента политического отчуждения, Маркс и Энгельс указывают предпосылки и факторы, определяющие сложность и противоречивость данного процесса. В работах 1845—1847 гг. отчуждение рассматривается уже на основе материалистического понимания истории, объясняющего причины влияния материальной сферы на политические формы и формы сознания. Противоположные классы общества (буржуазия и пролетариат) рассматриваются еще как модификации человеческого самоотчуждения в целом. Но и по этому основанию обнаруживается противополо́жность социально-политических интересов и всемирно-исторических целей буржуазии и пролетариата.

Буржуазия удовлетворена человеческим самоотчуждением, воспринимает его как свидетельство своего классового могущества, представляет консервативную сторону социально-исторического развития и стихийно-объективным образом участвует в упроче-

нии отношений частной собственности. По всем этим критериям пролетариат противостоит буржуазии. Он не может быть удовлетворен самоотчуждением человека и переживает его как зависимость, обездоленность и нищету. Он представляет прогрессивную сторону социально-исторического развития. Тем самым закладываются основы для того, чтобы человек обрел теоретическое сознание отчуждения, в том числе — его политических и идеологических форм. Если в работах 1844 г. Маркс считал, что тяга к теории характерна преимущественно для немецких рабочих, то в последующих сочинениях подчеркивается, что у английских и французских рабочих не менее сильна тяга к науке, жажда знания, нравственная энергия и неутомимое стремление к саморазвитию. Именно этим и определяется человеческое благородство пролетарского движения. Следовательно, экономические, классовые, нравственные и познавательные определения пролетариата *переплетаются*. Он с самого начала заявляет о себе как антагонист грязно-торгашеским формам практики и соответствующего им политического иезуитизма. Ведь они суть продукты отчуждения труда и самоотчуждения человека. Поэтому только пролетариат в целом является классом, сами условия существования которого обусловливают его интерес к теории.

Преодоление разрыва между теорией и практикой, бюрократически-идеологического восприятия действительности и отчуждения — *элементы одного и того же процесса,* земного социализма, который отвергает эмансипацию человека «*исключительно в сфере теории* как иллюзию и требует для *действительной* свободы, кроме идеалистической „*воли*“, еще весьма осязательных, весьма материальных условий» [25] Следует особо подчеркнуть, что Марксова критика воли как способа разрешения всех социальных противоречий и революционного преобразования буржуазного общества непосредственно связана (исторически и теоретически) с критикой бюрократической воли, гегелевского толкования власти как волевого отношения и воли как элемента политического рассудка. Тем самым вся проблематика бюрократии сохраняет свою эвристическую ценность при анализе идеологического восприятия действительности и соответствующей ему политической практики. Ведь политическая эмансипация, осуществленная буржуазными революциями, только увеличивает человеческое самоотчуждение. «Необходимо поэтому исследовать сущность *политической* эмансипации, т. е. сущность развитого современного государства» [26]

Буржуазия и пролетариат противоположны в их отношении к практике. Повседневная материальная жизнь каждодневно подвергает изменению низшие классы общества. Поскольку сознание пролетариата более динамично, нежели сознание буржуазии, «низшие классы народа умеют поднимать себя на более высокую ступень духовного развития» [27] Полемизируя с феодально-христианским и мелкобуржуазным социализмом, выдвигающим различные благотворительно-патерналистские программы материаль-

ного обеспечения рабочих, Маркс особо подчеркивал, что «для пролетариата смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости — важнее хлеба» [28] Эти человеческие качества *соединяют* повседневные практические нужды пролетариата и его стремление к теории. Поэтому воспитание данных качеств — необходимая предпосылка преодоления отчуждения труда и самоотчуждения человека. Революция раскрепощает производительные силы человека и общества. Поэтому ее задачи совпадают с процессом преодоления отчуждения.

Для этого необходимо устранить антагонизм всеобщих, особых и единичных интересов, существующий в социальных формах и формах общения (т. е. в производственных отношениях). Надо также устранить монополию государства на всеобщий интерес, так как она свидетельствует о частичности интересов и бюрократической форме их выражения в политических учреждениях: «коммунистическая революция, уничтожающая разделение труда, в конечном итоге устраняет политические учреждения. коммунистическая революция будет сообразовываться не с „общественными учреждениями, созданными изобретательностью социальных талантов" (как считал Штирнер и другие мелкобуржуазные идеологи. — *В. М.*), а с производительными силами» [29]. Едва учреждениям и организационным формам приписывается самодостаточность и творческая сила, они неизбежно превращаются в носителей политического рассудка и других составных частей бюрократического отношения к действительности. Основоположники марксизма считали необходимым подчеркнуть, что революционное сознание должно охватить *всех индивидов*, а не только отдельные группы и государство: «Не только государство, но и *граждане* государства должны были быть революционизированы. Лишь в кровавой освободительной борьбе они могли избавиться от верноподданнического духа» [30].

Освобождение всех индивидов от установок бюрократического сознания — необходимая составная часть зарождения и развития революционного сознания.

Этот момент особенно важен для нации, на протяжении всей своей истории бывшей орудием угнетения других наций. Здесь вдвойне необходимо отречение от политического прошлого, поскольку оно переплетено с господством бюрократии. Освобождение от этого прошлого оказывается мерой «революционного такта», т. е. революционной морали, укрепляющей готовность масс к революционным действиям. Данный момент переплетен с политической формой разрешения социальных противоречий: «Лучшая форма государства — та, в которой общественные противоречия не затушевываются, не сковываются насильственно. Лучшая форма государства — та, в которой эти противоречия доходят до открытой борьбы и тем самым находят свое разрешение» [31]

С учетом всего предшествующего изложения становится ясно, что бюрократическое управление и сознание — политическая

форма блокирования социальных противоречий. Поскольку она имела своих реальных носителей и в революции 1848—1849 гг., основоположники марксизма подчеркивали необходимость смены всех гражданских, военных и судебных чиновников: «В противном случае лучшие начинания центральной власти потерпят крушение из-за сопротивления низших чиновников» [32]. По мысли Маркса и Энгельса, центральная революционная власть должна показывать образцы оперативного распознавания и разрешения существующих и возникающих социальных противоречий.

Необходимым условием соединения теоретических и идеологических принципов и политической практики пролетарской партии является печать. Процесс демократизации общественной жизни в немалой мере определяется степенью свободы печати от бюрократически-идеологического подхода к действительности и прагматического толкования текущих потребностей политических партий и государства, а также мерой возможности печати отражать объективные социальные противоречия и теоретический подход к социальным и политическим явлениям и процессам *.

Итак, в работах Маркса и Энгельса 1845—1851 гг. анализ бюрократии дополняется новыми аспектами.

Самостоятельность бюрократии связывается с конкретно-историческими формами производства и общения, обусловливающими диалектику связи бюрократии и политики с учетом специфики политического строя страны. При этом учитывается специфика бюрократии многонационального государства, связь бюрократической регламентации экономики с потребностями внешней политики и социальные причины идеализации государства. Можно сказать, что в работах данного периода впервые формулируется положение об изучении бюрократии во взаимосвязи с производительными силами и производственными отношениями конкретного этапа развития общества.

Одним из наиболее важных новых моментов работ 1845—1851 гг. является анализ классовых основ бюрократии. Это позволяет изучать социальные функции бюрократии, распределение должностей в аппарате управления в зависимости от принадлежности к определенному классу, связь классовых характеристик бюрократии с ее установками в сфере внутренней и внешней политики, отношение к развитию крупного промышленного производства и количественный рост бюрократии в зависимости от политической формы общества.

---

* Следует подчеркнуть, что эти положения Маркса и Энгельса были использованы и развиты Лениным в специфических условиях двоевластия при подготовке Октябрьской революции.

Ойзерман Т. И. Развитие марксистской теории на опыте революций 1848 г. М., 1955. С. 178.

[2] См.: *Макаренко В. П.* Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса. Ростов н/Д, 1985.

[3] См.: *Mouzelis M.* Organization Bureaucracy. Chicago, 1969; *Allbrou M.* Bureaucracy. L., 1970; Bureaucracy: The Career of Concept. N. Y., 1979.

[4] См.: *Макаренко В. П.* Указ. соч. С. 66—70.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 82.

[6] Там же. Т. 5. С. 283.

[7] Там же. Т. 7. С. 529.

[8] Там же. Т. 3. С. 164.

[9] Там же. Т. 4. С. 311.

[10] Там же. Т. 7. С. 274.

[11] Цит. по: Там же. С. 487.

[12] Там же. С. 489.

[13] Там же. Т. 8. С. 30.

[14] Там же. С. 31.

[15] Там же. Т. 6. С. 205.

[16] Там же. С. 206—207.

[17] Там же. Т. 4. С. 57.

[18] Там же.

[19] Там же. Т. 5. С. 91.

[20] Там же. С. 90—91.

[21] Там же. Т. 7. С. 508.

[22] Там же. Т. 8. С. 6.

[23] Там же. Т. 7. С. 288.

[24] Там же.

[25] Там же. Т. 2. С. 104.

[26] Там же. С. 123.

[27] Там же. С. 150.

[28] Там же. Т. 4. С. 205.

[29] Там же. Т. 3. С. 378.

[30] Там же. Т. 5. С. 63.

[31] Там же. С. 141.

[32] Там же. С. 201.